

ОБМЕН

МАТЬЕРОВ ВИКТОР

18+

Виктор Матьеров

Обмен

«Автор»

2026

Матьеров В.

Обмен / В. Матьеров — «Автор», 2026

Корпорация Primordial Tech решает использовать кристалл, известный как «Пожиратель снов», в своём глобальном проекте игровых миров на основе снов — Somnex. После срабатывания не задокументированного аварийного протокола весь комплекс попадает под влияние ретранслятора. Электроника сходит с ума. Спасатели, зашедшие внутрь, присоединяются к усыпленным. Люди вторые сутки без еды и воды. Ещё несколько дней — и начнутся потери. Геннадий Волков — отец Полины Волковой, одного из разработчиков проекта. Он пробирается в комплекс и становится частью системы. Ему нужно разобраться в тайнах сознания, найти дочь и вернуть её в реальность, пока не стало слишком поздно. Каждая локация здесь — чьё-то сознание. Чужие сны, чужие страхи. Смерть во сне не окончательна. Но каждая тянет глубже и заставляет забыть о реальности. Ему предстоит встреча с собственными демонами. Стоит ли слезинка ребёнка счастья всего мира — или статистика победит? Его спасала вера. Поможет ли она в логове врага.

© Матьеров В., 2026

© Автор, 2026

Виктор Матьеров

Обмен

Обмен

Аннотация

Корпорация Primordial Tech решает использовать кристалл, известный как «Пожиратель снов», в своём глобальном проекте игровых миров на основе снов — Somnex.

После срабатывания незадокументированного аварийного протокола весь комплекс попадает под влияние ретранслятора. Электроника сходит с ума. Спасатели, зашедшие внутрь, присоединяются к усыпленным. Люди вторые сутки без еды и воды. Ещё несколько дней — и начнутся потери.

Геннадий Волков — отец Полины Волковой, одного из разработчиков проекта. Он пробирается в комплекс и становится частью системы. Ему нужно разобраться в тайнах сознания, найти дочь и вернуть её в реальность, пока не стало слишком поздно.

Каждая локация здесь — чьё-то сознание. Чужие сны, чужие страхи. Смерть во сне не окончательна. Но каждая тянет глубже и заставляет забыть о реальности.

Ему предстоит встреча с собственными демонами. Стоит ли слезинка ребёнка счастья всего мира — или статистика победит? Его спасала вера. Поможет ли она в логове врага.

Гена — мусульманин. Он не идеальный, не праведник — живой человек, который старается не потерять свою связь с Создателем. Ислам не делает его героем. Не создаёт особых условий. Только даёт ориентиры.

Эта книга не про ислам, а про человека, который нашёл в нём опору.

Пролог

Высокая трава, окружавшая деревню почти по всей границе, вспыхнула. Огонь расширился и постепенно брал деревню в плотное кольцо. «Мёртвая зона» между густой травой и ближайшими домами ещё не позволяла огню перебраться к постройкам. Луна и звёзды, так же как стада животных, когда-то заполнявшие прерии, давно ушли в прошлое. Чёрная пустота ночи быстро заполнилась шипением разрастающегося пламени.

Первыми в деревню ворвались ядовитые, танцующие на ветру клубы дыма. Жители деревни уже не пытались собирать пожитки. Хватали только еду. Спускали на воду спрятанные в зарослях камыша лодки. Спасение было возможно только через озеро.

Шаман и вождь племени внешне оставался спокойным, хоть и понимал, что все попытки будут безрезультатными. В своих кошмарах он уже не раз видел эту ночь. Последняя ночь перед концом всего. Мир должен сгореть и после возродиться.

Предначертанное невозможно изменить, как бы ни пытался. В эту ночь рядом с ним должны были стоять его сыновья и умереть в битве с тем, кто бродит в ночи. Решив обмануть судьбу, отправил их на охоту в дальние прерии. Небесный камень из чужого мира в руках

пробуждённого бога вернул их обратно. Предсмертные крики его детей стали началом ночного безумия.

Хотя бы жители будут спасены. Их-то не достигнет огонь. Ещё несколько ударов сердца — и лодки начнут отплывать.

Резкая боль пронзила правую ногу. Чор-ар не удержался и упал на землю. Даже не пытаясь спастись, крикнул, чтобы все бросили всё и уплывали. Между хижинами в небольшом пятачке пламя расступилось, и на песок ступил человек в защитной экипировке пожарной службы США.

Присев на корточки рядом с Чор-аром, незнакомец снял маску закрытого дыхательного аппарата. Уложил шамана на живот. Упёрся ногой в его спину и, дёрнув, вывернул ему оба плеча. Резким движением выдернул нож из его ноги.

— Крик — это хорошо! Как думаешь? Твои люди переплюнут тебя? Проверим?

Первая лодка уже довольно далеко уплыла, но ещё её очертания над водой были видны. Глухой хлопок — и саму лодку, и поверхность воды вокруг неё окутало жидкое пламя. Оно было липким. Трое женщин и мужчина прыгнули в воду. Ныряли. Выплывали. Пытались содрать с себя горящую кожу. Крики боли и отчаяния доносились ещё долгих несколько десятков ударов сердца. Сдвоенные хлопки в крайних лодках закрыли ловушку. Берег давно пылал. Жители деревни застряли в кольце из всё ещё пылающих тел соплеменников.

— Демон, я знаю, зачем ты здесь. Наш Бог проснулся, и тебе его не остановить.

Уже стихли крики. Слышно было только треск догорающих стеблей травы. Из лодок доносился плач годовалого ребёнка. Более взрослых уже успокоили. Людям оставалось только ждать и наблюдать за тем, что происходит в деревне.

— У тебя ещё много людей осталось в живых. Но каждая твоя ложь будет их сжигать. Думай, прежде чем ответить. Где сосуд?

Глава 1

Полина не спала с пяти утра.

Кофе в пластиковом стаканчике давно остыл, покрывшись сизоватой плёнкой, но она всё равно сжимала его ладонями, пытаясь согреть пальцы. В операторской, как всегда, нещадно дул кондиционер. За толстым звукоизолирующим стеклом, в мягком неоновом полумраке зала, техники заканчивали проверку. Тридцать два глубоких анатомических кресла-лежачка, выстроенные строгим полукругом, казались деталями какого-то футуристического конвейера. У каждого — массивный подголовник со шлейфом матово-чёрных проводов, уходящих под фальшпол к локальным трансляторам.

А в самом центре, на глухом бетонном постаменте, возвышалось оно. Главный транслятор. Беспроводной матовый цилиндр высотой по пояс, который выглядел настолько инородно среди немецкой аппаратуры, словно его выкопали на другой планете. Внутри него, за тремя слоями бронированного кварца и сложной сеткой технических оболочек, покоился кристалл. Приглушённый свет софитов преломлялся в его гранях, отбрасывая на стены зала блеклые, едва заметные фиолетовые блики.

Полина смотрела на этот мёртвый блеск и думала о Герхарде Беккере.

Вчера он пришёл к ней в третий раз за неделю. Не постучал — просто возник в дверном проёме, как тень, высокий, угловатый, в неизменном помятом пиджаке. Встал, перегородив выход, и уставился на неё своими измученными глазами профессора, у которого отняли любимую игрушку.

— Полина, я прошу вас. Давайте остановимся. Ещё раз. Последний.

— Герхард, ради бога, — Полина со вздохом замассировала переносицу, даже не пытаясь скрыть смертельную усталость. — Мы провели девятнадцать сессий. Девятнадцать! Чистые одиночные тесты, парные, групповые — мы дошли до восьми человек в одном контуре. И ни одного инцидента. Система стабильна.

— Ни одного инцидента, который ваша хваленая электроника способна зафиксировать, — резко перебил он, сделав шаг вперёд. Его немецкий акцент всегда становился сильнее, когда он нервничал.

— Что это значит? — она выпрямилась в кресле, защищаясь. — У нас телеметрия пишет терабайты данных в секунду! Что конкретно мы упустили?

Беккер не ответил сразу. Он подошёл к столу, бесцеремонно отодвинул в сторону её папки и тяжело опустил ладони на лакированную поверхность. Его пальцы слегка дрожали.

— Я изучал этот кристалл три года. Три года, Полина, до того, как воротилы из Primordial Tech выкупили его у министерства и заперли в этой лаборатории. Я собирал легенды о нём по кусочкам на четырёх континентах. Разные эпохи, полярные культуры, языки, которые никогда не пересекались. Но знаете, что удивительно? Везде, от тибетских хроник до мифов индейцев хопи, эта штука упоминается в одном контексте. Как клетка. Тюрьма для чего-то, чему не место среди живых. Инструмент абсолютного наказания. И везде одинаковый финал для тех, кто пытался с ним заигрывать.

— И какой же? — Полина криво усмехнулась, хотя от его замогильного тона по спине пробежал неприятный холодок. — Демоны утаскивали в преисподнюю?

— Люди просто засыпали, — произнёс Беккер. Спокойно, без капли пафоса, и от этого стало по-настоящему жутко. — Все, кто находился в радиусе действия. Некоторые не просыпались вовсе. Причём система не выбирала всех подряд — никакой логики, никакого математического принципа. Полный хаос. Выборочная кома.

— Герхард, послушайте меня, — Полина с тихим стуком опустила стаканчик на стол. — Мы не в девятнадцатом веке. Мы внедрили в кристаллическую решётку управляющий ИИ. Да, это уникальный углеродный носитель, да, его физика до конца не укладывается в стандартные модели. Но это не проклятие и не мистика. Это технология, понимаете? Единственная в своём роде. Мы не можем вырастить такой дубликат, у нас технологии отстают на полвека! И руководство не закроет проект стоимостью в миллиард евро из-за того, что в средние века кто-то перебрал опиума рядом с красивым булыжником.

— Я тоже не верю в сказки, — тихо, почти шёпотом ответил он, отстраняясь. — Я верю в задокументированные медицинские отчёты экспедиций тридцатых годов.

Полина поняла, что спорить бесполезно. Она встала, вежливо, но решительно взялась за ручку двери и распахнула её, всем видом показывая, что аудиенция окончена. Беккер принял это молча. Он вышел в коридор, сгорбившись, словно на плечи ему давил весь вес этого бетонного комплекса. И только у самого лифта обернулся, бросив через плечо:

— Я буду внизу, в инженерном секторе. На случай, если... Если ваша электроника всё-таки соврёт.

Тогда она только раздражённо фыркнула. А теперь, глядя на пустой зал через стекло, поймала себя на мысли, что его слова въелись ей под кожу.

В зал потянулись люди. Тридцать человек — элита Somnex: ведущие разработчики, сонные от ночного кодинга тестировщики, парочка приглашенных топов из компаний-партнёров, косящихся по сторонам с плохо скрываемым трепетом. На входе каждый получал кулон. Полина лично настояла на этой детали — маленький, размером с фасолину, фрагмент кристалла-дублёра на тончайшей титановой цепочке. Прикоснувшись к нему один раз на летучке, она удивилась: камень казался живым, он сохранял странное, чуть выше человеческого, тепло.

Это был её личный пунктик, её гордость — защитный протокол. Ровно через восемь часов микрочип в оправе кулона пережигал контакты, разрывая ментальную связь и жёстко «выбивая» сознание оператора обратно в реал. Железная страховка. По крайней мере, ей хотелось в это верить.

Щёлкнул тумблер селектора. Полина кашлянула в микрофон:

— Добрый день, коллеги. Напоминаю вводные. Никаких общих локаций. Каждый из вас погружается в индивидуальный домен. ИИ сгенерирует вселенную на основе ваших подсознательных профилей — тех самых анкет и нейрокарт, которые мы мучили последние три месяца. Помните про временную деформацию: субъективное время внутри сна может растягиваться. От стандартного «час за час» до нескольких тысяч лет за сессию, всё зависит от плотности вашего фокуса и сюжета, который развернёт система. Автоматический выброс — ровно через восемь часов. Вопросы?

В динамиках отозвалась тишина. Кто-то лениво поднял руку в знак того, что всё понятно, кто-то уже устроивался в ложементе, поправляя датчики на висках.

— Тогда... хороших снов. Начинаем.

Она сдернула защитный колпачок и вдавила тяжёлую квадратную кнопку пуска.

Тридцать человек синхронно, словно по команде кукловода, закрыли глаза. Ложементы с мягким шипением гидравлики приняли полугоризонтальное положение. И в ту же секунду транслятор на постаменте ожил. Это не было механическим гулом трансформатора — звук шёл откуда-то изнутри, низкий, вибрирующий, пугающе органический. Будто огромный каменный орган сделал первый глубокий вдох после векового сна.

Полина прильнула к мониторам. Зелёные графики поползли вверх. Фаза быстрого сна у всех тридцати — идеальная синхронизация, пульс стабилен, энцефалограммы расцветали каскадами неоновых вспышек. ИИ начал ткать миры.

Она с облегчением откинулась на сетчатую спинку кресла и наконец-то сделала нормальный, глубокий выдох. Напряжение в плечах немного отпустило.

За спиной сухо скрипнул уплотнитель двери. Полина вздрогнула и обернулась. Беккер. Он так и не ушел домой. Профессор подпирал стену у самого входа, скрестив руки на груди. Его взгляд был прикован к стеклу, за которым неподвижно лежали тридцать человек.

— Всё идет штатно, Герхард, — с лёгким вызовом в голосе сказала она. — Показатели в зелёной зоне.

Он едва заметно кивнул, но с места не сдвинулся. В операторской повисло тяжёлое, липкое ожидание.

Первые двадцать минут не происходило ничего. Слышно было только мерный гул серверной стойки за стеной. А потом левый монитор моргнул. Короткая, грязная полоса помех срезала график пульса одного из операторов. Полина подалась вперёд, щерясь на экран: — Чушь какая-то... Наводка?

Техник рядом судорожно застучал по клавишам, но не успел он вызвать лог, как моргнул второй экран. Третий. В следующую секунду вся приборная панель сошла с ума, выплёсывая каскады красных предупреждений, и операторская разом погрузилась во тьму. На долю секунды повисла абсолютная, гробовая тишина, а затем с противным щелчком включился аварийный свет.

Комнату залило багровым, тревожным сиянием.

— Что за чертовщина?! — Полина подскочила на ногах, едва не перевернув кресло. — Ян, отсекай контур!

— Не отвечает! — парень за пультом лихорадочно, с хрустом вбивал пальцами в клавиатуру команды. На его лбу выступили крупные капли пота. — Транслятор... господи, он перешёл в нерегламентный режим! Пакеты данных идут в обратную сторону! Я не могу прервать сессию, протокол ручного сброса заблокирован корневой ошибкой!

Полина оттолкнула его плечом, сама бросаясь к терминалу. Аварийная остановка. Перегрузка питания порта. Код «ноль». Пальцы скользили по сенсору, но экран выдавал лишь бесконечную петлю системного сбоя.

Гудение за стеклом изменилось. Оно упало на несколько октав, став глухим, утробным. Полина почувствовала его не ушами — виски сдавило железным обручем, а в грудной клетке, прямо за рёбрами, заняла тупая, вибрирующая боль.

— Полина... — раздался сзади голос Беккера. Обернувшись, она похолодела. Профессор сползал по стене, судорожно хватаясь пальцами за дверной косяк. Его веки налились свинцом, глаза закатывались. — Уходите... Бегите из здания... Наружу...

— Герхард! Что...

Ноги Полины вдруг стали ватными, словно из них в один миг выдернули кости. Она не удержалась, больно ударившись коленями о пол и едва успев ухватиться за край металлического стола. Мир вокруг начал стремительно терять резкость, заваливаясь набок. Ян рядом уже лежал лицом на клавиатуре, его дыхание было тяжёлым и ровным.

За стеклом, в зале, ничего не изменилось. По-прежнему горел мягкий свет, тридцать человек всё так же неподвижно покоились в своих ложементх. Вот только теперь к этой братской могиле присоединялась операторская. И, судя по всему, весь остальной комплекс.

Теряя сознание, Полина из последних сил повернула голову к стеклу. Там, в самом центре тёмного зала, сквозь защитные экраны и матовую броню цилиндра, пробивалось наружу густое, багрово-красное свечение. Оно пульсировало. Медленно, размеренно, как гигантское, проснувшееся сердце.

Майнц встретил его промозглым, косым дождём, который мгновенно пропитал воротник пальто, и резким, солёным запахом близкого Рейна.

Геннадий Анатольевич Волков захлопнул дверь такси. Жёлтый мерседес тут же тронулся, шурша шинами по мокрому асфальту Бингерштрассе, а Гена остался стоять у обочины, поправляя съезжающую ляжку старого рюкзака. Периметр он увидел сразу.

Primordial Tech развернулась здесь с чисто немецким размахом и пугающей скоростью. Три ряда тяжёлых решётчатых заграждений, наспех стянутых пластиковыми хомутами. По углам — мобильные прожекторы на штативах-треногах, бьющие резким белым светом в пелену дождя. Вдоль забора выстроились серые фургоны мобильных лабораторий с яркими оранжевыми логотипами корпорации. А за ними, в глубине территории, высился мрачный куб комплекса Somnex. Ни одного горящего окна. Мёртвая, тёмная коробка из стекла и бетона.

Гена стоял неподвижно минуты две, пряча руки в карманы и глядя, как капли дождя разбиваются о металл забора. Затем глубоко вздохнул и, ссутулившись, пошёл вдоль линии ограждения.

Охрана сработала профессионально. Стоило ему приблизиться к главным воротам, как из пластиковой будки дежурного вышли двое. Крупные парни в ярко-жёлтых светоотражающих жилетах поверх чёрной униформы. На поясах — дубинки и кобуры.

— Halt! Территория закрыта, объявлен карантин, — один из них выставил вперёд ладонь, перекрывая дорогу. — Разворачивайтесь и покиньте зону оцепления.

— Там моя дочь. — Геннадий не отступил. Он говорил по-немецки с тяжёлым, рубящим русским акцентом, но в его голосе было то, что заставило охранника на секунду замяться.

— Господин, мы понимаем, но приказ жёсткий. Отойдите за линию заграждения, — уже мягче, но непреклонно повторил второй.

Гена медленно, не отрывая взгляда от темных окон верхнего этажа, где находилась лаборатория Полины, отступил. Остановился метрах в десяти, укрывшись под козырьком закрытого на ночь кафе. Нашел глазами стык заборов и принялся считать секунды между поворотами прожекторов. Инженерный ум, привыкший к схемам, автоматически начал искать уязвимости в этой системе.

Первую попытку он предпринял, когда стрелки часов перевалили за час ночи.

Дождь усилился, превратившись в сплошную стену воды, что было ему только на руку. Восточный участок периметра охранялся спуская рукава — туда дотягивался лишь один прожектор, а патруль из двух человек проходил раз в сорок минут, явно торопясь вернуться в сухую бытовку. Гена дождался, пока луч света уйдёт в сторону, бесшумно скользнул к сетке в глухом слепом пятне между деревьями. Скинул плотную куртку, набросил её на верхнюю кромку забора, чтобы не порезать руки об армированную проволоку, и подтянулся.

Он был немолод, но сухая рабочая хватка ещё держала тело. Гена уже занес ногу, собираясь перевалиться на ту сторону, как вдруг ночь взорвалась ослепительным белым светом. Фонарь ударил прямо в глаза, выжигая сетчатку.

— Руки за голову! Слезайте. Медленно. Без глупостей.

Через десять минут его бесцеремонно втолкнули в штабной фургон. Пахло дешёвым кофе, мокрой шерстью и табачным дымом. За раскладным столом, заваленным распечатками схем, сидел плотный мужчина лет пятидесяти. Короткий седой ежик волос, серая форма без знаков различия, и только на рукаве — нашивка Primordial Tech.

— Садитесь, — мужчина указал подбородком на складной стул напротив. Голос его был сухим и бесстрастным. Он заглянул в лежащий перед ним раскрытый паспорт. — Волков Геннадий Анатольевич. Бывший ведущий инженер-электронщик ЛОМО. Отец Полины Волковой, старшего тестировщика отдела Somnex. Всё верно?

Геннадий молча сел, сцепив пальцы в замок. С них на пластиковый пол капала грязная вода.

— Меня зовут Клаус Хайнер. Я начальник безопасности этого объекта, — мужчина сделал глоток из большой керамической кружки. — Это уже третья ваша попытка прорваться за сутки, господин Волков. Вы понимаете, что я имею полное право сдать вас федеральной полиции? Объясните мне, старой ищейке, зачем этот цирк? Чего вы добьётесь в одиночку?

— Там тридцать два человека, — тихо, но отчётливо произнёс Геннадий, глядя Хайнеру прямо в глаза. — Они спят вторые сутки. Вы ведь знаете физиологию, господин начальник охраны? Без воды человеческий организм выдерживает пять дней. На третьи сутки начнутся необратимые изменения в почках. У них осталось три дня.

Хайнер помрачнел. Он долго смотрел на Геннадия, не меняя выражения лица. Потом, не спеша, поставил кружку на стол.

— Ваша дочь рассказывала вам о проекте? Что именно вы знаете о том, что здесь происходит?

Геннадий помолчал секунду.

— Почти ничего. Мы давно не общаемся. Знал только название — Somnex. Слышал, что что-то про сны. Услышал про аварию — и прилетел.

— Тогда зачем лезете? — в голосе Хайнера появилась новая нотка, острая и внимательная. — Человек, который ничего не знает об объекте, трижды за сутки пытается на него проникнуть. Профессионально, замечу. Объясните мне это.

— Потому что там моя дочь, — просто сказал Геннадий.

Хайнер потёр усталые глаза.

— Мы работаем. Клянусь вам, из Франкфурта и Мюнхена привезли лучших спецов по нейроинтерфейсам. Но... — он запнулся, подбирая слова. — Любая электроника в радиусе пятидесяти метров от главного холла сходит с ума. Чем ближе к центру, тем хуже. Дроны теряют связь и падают на газон. Проводные кабели связи выгорают от какого-то дикого индукционного импульса уже на тридцатом метре. Мы слепы.

— Любая техника, — зацепился за фразу Геннадий. Его мозг инженера тут же вычленил главное. — А что происходит с людьми? С живыми людьми, которые заходят в этот радиус?

Хайнер долго молчал, барабанил пальцами по столу. Наконец, неохотно выдавил:

— Засыпают. Двое моих ребят из первой волны патруля зашли в вестибюль через разбитое стекло в первые часы. Мы успели вытащить их лебедками, они сейчас в медицинском боксе. Живы. Пульс, дыхание — всё в норме, как при глубоком сне. Но добудиться до них невозможно. Ни нашатырь, ни адреналин не работают.

— Значит, человек может войти. — Геннадий подался вперёд, его глаза лихорадочно блеснули. — И физически его тело не умирает. Значит, можно зайти, дойти до рубильника и выйти. Дайте мне чертежи распределительного щита и план здания.

— Господин Волков... — Хайнер тяжело вздохнул и покачал головой. — Вы не понимаете. Мы не можем этого позволить. Это самоубийство.

— Понимаю всё, — Геннадий покосился на кофеварку у стены. — Угостите? Ночь длинная.

— Конечно, — Хайнер поднялся, потянулся к кружкам.

Гена воспользовался моментом. Под кипой распечаток лежал небольшой жетон на тонкой цепочке — корпоративный пропуск с логотипом Primordial Tech. Он потянул шнурок и аккуратно убрал жетон в карман.

— Я знаю, на что иду, — Геннадий резко поднялся со стула, давая понять, что разговор окончен. — Спасибо за кофе, господин Хайнер.

Где-то там, за толстыми бетонными стенами, которые сейчас поливал немецкий дождь, его Поля лежала с закрытыми глазами. Смотрела свой дурацкий сон. Или чужой. Он ведь не понимал в этом ничего.

Геннадий понимал одно: комплекс проектировали умные люди, экранировали по высшему разряду, сигнал не должен был пробить внешние стены. Но что-то пошло не так. Защита лопнула, и эта дрянь вырвалась наружу. Попытаться взломать систему извне, швыряясь в неё радиосигналами — всё равно что стучать зубочисткой в танковую броню. Нужно было действовать изнутри. Вручную.

Около четырёх утра он пошёл напролом.

Никаких хитростей, никаких подтягиваний на заборах. Гена просто дождался момента, когда у восточных ворот началась пересменка. Двое охранников повернулись к нему спинами — один прятал огонёк сигареты в кулаке от дождя, второй что-то отмечал в планшете. Ворота были приоткрыты — туда только что заехала служебная машина снабжения.

Геннадий вытащил из кармана жетон и повесил на шею поверх пальто. Лого Primordial Tech смотрело вперёд. Он выпрямился и пошёл — не пригибаясь, не торопясь. Один из охранников у ворот обернулся, скользнул взглядом по жетону и отвернулся обратно к планшету.

Ему удалось пройти метров двадцать по мокрому газону, прежде чем мир вокруг него потерял звуки. Шум дождя стих, словно кто-то повернул ручку громкости до нуля. Ноги в тяжёлых ботинках вдруг стали свинцовыми, ватными, непослушными.

Ещё десять метров. Земля под ногами резко накренилась, уходя куда-то влево. Перед глазами поплыли серые маслянистые пятна.

Геннадий упал на колени, чувствуя, как мокрая трава холодит ладони. Сознание стремительно ускользало, затягиваемое в гигантский водоворот. Он успел сжать кулаки и прошептал пересохшими губами:

— О, Аллах, прибегаю к тебе от зла шайтана...

А затем мир окончательно погас.

Глава 2

Часы на стене показывали ровно 9:00.

Мимо него, тяжело ступая стоптанными резиновыми сабо, прошёл санитар в зеленоватом халате. Толкал перед собой металлическую каталку с горой сложенного постельного белья, от которого слабо пахло прачечной и сыростью. Левое колесо поскрипывало мерно: скрип... скрип... скрип... Геннадий смотрел ему вслед, пока каталка не свернула за поворот.

Коридор душил. Запах хлорки въелся в рецепторы, перемешавшись с приторным, сладковатым ароматом тления, у которого не было названия. Линолеум под ногами был протёрт до серой плесни. Правый подлокотник сломанного стула покачивался, и этот люфт казался единственной осязаемой вещью в мире.

Он бросил взгляд на часы. 9:00:01.

За дверью напротив была реанимация. За дверью была Лена. Он сжимал пальцы так, что белели суставы, отчаянно надеясь на чудо — лишь бы выкарабкалась, лишь бы задышала.

— Всё же будет хорошо, да? — донеслось справа.

Гена повернул голову. Молодой парень лет двадцати сидел, занеся руку над карманом рюкзака, откуда высовывалась потрёпанная книжка. Вытащил её, тоскливо полистал пару страниц и убрал обратно. Его движения и голос говорили о панике, овладевшей им. Волнение за родного человека всегда заразительно. Пока он не заразил остальных и так эмоционально подавленных посетителей, Геннадий хотел подбодрить парнишку.

Не ответил ему. Посмотрел на часы. 9:00:02.

Там, в тумане дальнего освещения, врач разговаривал с женщиной. Плечи женщины судорожно вздрагивали в такт рыданиям, она медленно, без сил опустилась на жёсткую дерматиновую банкетку. Слов не было слышно, но Геннадию и так всё было понятно.

Посмотрел на часы. 9:00:03.

Тяжёлая дверь реанимации отворилась. Из неё вышел доктор. Его очки с погнутой, кривой дужкой съехали на кончик носа. В глазах не было сочувствия — только сухая, вымотанная констатация.

— Геннадий. Мы сделали всё, что могли. Большого, чем уже сделали, не сможем сделать. Всё остальное на руках Создателя. Я не должен подобного говорить... но обнадеживать тоже не могу. Шансов почти нет. Максимум несколько дней или часов до неизбежного.

Доктор продолжал открывать рот, но звуки растворялись, превращаясь в низкочастотный гул. Земля под больничными стульями начала крениться, уходя из-под ног.

Домой он не добрался — его туда принесло, словно наводнением. Он не помнил ни дорог, ни лиц. Внутри стояла звенящая пустота. Лены больше нет. Врач сказал яснее некуда — всё, это конец. Для Геннадия дом теперь казался чужим, мёртвым и покинутым.

Трава между плитками садовой дорожки, которая ещё утром была едва заметна, теперь стояла по колено — густая, сочная, обвивающая лодыжки, словно пытающаяся удержать его, не пустить. Каждая вещь здесь кричала о ней. Каждый взгляд выхватывал знакомое и снова бил в одну точку — Лена.

На кухне он на автомате щёлкнул кнопкой чайника. Стоял и смотрел, как закипает вода. А потом увидел её бокал — высокий, стеклянный, с остатками засохшего чая на дне. Она пила только из него. Всегда. Геннадий завороченно смотрел на этот тёмный ободок на стекле. Чайник с щелчком вскипел и выключился, окутав кухню паром. Геннадий так и не налил воду. Без неё даже глоток воды казался предательством.

Вышел во двор, задыхаясь от нехватки воздуха. Встал у яблони у самого забора. Лена несколько раз просила постричь — говорила, что дерево слишком разрослось, затеняет огород, лишает света её посадки. Он всё откладывал, вечно не хватало времени. Теперь тяжёлые ветки свисали почти до самой земли, как плакучие ивы, словно оплакивали хозяйку, которой больше никогда не суждено здесь пройти.

Геннадий сбежал обратно в дом. Захлопнул дверь, отсекая шум нарастающего ветра. Упал на диван, рука сама, повинувшись многолетней привычке, потянулась к журнальному столику за пультом. На мгновение пальцы застыли в воздухе. Пульта не было. В груди разлилась чёрная, леденящая пустота: он поймал себя на том, что хотел громко, на весь дом позвать её и спросить, где пульт. Встал, подошёл к телевизору, включил его кнопкой на корпусе.

Шёл сериал. Обычный женский сериал с громкой, навязчивой музыкой и крупными планами плачущих актрис. Лена смотрела его уже третий раз — говорила, что там хорошо играют, что ей нравятся персонажи. Геннадий тогда ворчал, не понимал, как можно смотреть одно и то же трижды, уходил в гараж. Теперь этот чужой закадровый смех и наигранные слезы жгли мозг. Зачем всё это, если её жизнь оборвалась?

Выключил. Прошёл в спальню и лёг на кровать. Уткнулся лицом прямо в подушку.

Духи. Её духи. Слабый, едва уловимый шлейф лаванды и чего-то весеннего. Она уехала в больницу три недели назад, но подушка всё ещё хранила этот запах. Он вдыхал его, и каждая молекула этого аромата жгла лёгкие, превращаясь в чистую, невыносимую вину. Он не убе-рег. Не досмотрел. Откладывал яблоню, откладывал разговоры, откладывал жизнь. Навалилась тяжёлая, чёрная тоска, из которой не было возврата. Жить дальше без неё было незачем.

Уснуть не получалось. Мозг отказывался отключаться, прокручивая перед глазами замедленные кадры больничного коридора.

Геннадий поднялся. Тело казалось чужим, деревянным. В ванной комнате он рванул на себя дверцу аптечки. Здесь всё тоже было устроено её руками — ровные ряды коробочек, аккуратные белые наклейки с её размашистым почерком: «От давления», «От головы», «Гене после работы».

Он нашёл нужные блистеры. Взял одну таблетку. Выпил. Секундная стрелка в его голове сделала ещё один мучительно долгий щелчок. Мало. Боль не уходила.

Он выдавил вторую. Третью. Пальцы начали действовать быстрее, ломая фольгу, таб-летки с сухим стуком сыпались в раковину. Он хватал их горстями, не считая, пихал в рот, чув-ствуя, как они начинают растворяться прямо на языке, обжигая пищевод невыносимой хими-ческой горечью. Запивал водой из-под крана, жадно, лакая прямо из пригоршни, размазывая воду по подбородку.

Когда последняя пачка с тихим шорохом упала в мусорное ведро, он ещё какое-то время стоял, упершись руками в края фаянсовой раковины. Во рту было горько. Мутило. Желудок скрутило спазмом, к горлу подкатила тяжёлая, маслянистая тошнота, но он перетерпел её, стис-нув зубы. Так надо. Это искупление. На душе впервые за этот бесконечный день стало спо-койно. Решение было принято.

Геннадий на не слушающихся ногах вернулся в тёмную спальню. Посмотрел на пустую кровать, но лечь туда не посмел — без неё это место казалось осквернённым. Он опустился прямо на голый, холодный пол рядом с кроватью, лицом к стене. Так было правильнее почему-то. Ближе к ней, к её уходящей душе. Так было честно.

Прошептал в темноту, закрывая глаза:

— Иду к тебе.

И на этот раз стрелка часов остановилась навсегда. Темнота пришла — медленная, тяжё-лая, как могильная плита, окончательно затапливая его сознание.

Часы показывали 9:01.

Секундная стрелка. Пыль на стекле. Жёлтый потёк.

Санитар мыл подоконник в конце коридора — возил тряпкой медленно, без спешки. Напротив стояла пустая каталка. Врача не было. Молодого парня с книжкой не было.

— Геннадий. Мы сделали всё, что могли...

Дом. Трава та же. Дверь та же. В доме не задержался — прошёл сразу через кухню в гараж. Щёлкнул выключателем. Лампочка под потолком мигнула и загорелась.

На нижней полке верстака, за банками с машинным маслом, стояла канистра с техниче-ским спиртом — осталась с прошлого лета. Нашёл на верстаке стакан в разводах краски, спо-лоснул под краном. Налил.

Запах ударил сразу — резкий, химический, не имеющий ничего общего с жизнью. Выпил не отрываясь. Налил ещё. После третьего стакана пальцы перестали слушаться — он просто поставил канистру на пол рядом с собой.

Лёг прямо на бетон у верстака, подложив под голову старую робу...

Часы показывали 9:02.

Секундная стрелка. Пыль на стекле. Жёлтый потёк.

— Геннадий.

Трава. Кружка. Пол.

Бутылка в шкафу. Пил не чувствуя вкуса. Когда кончилась — нашёл вторую.

Часы показывали 9:05.

— Геннадий.

12:09.

19:37.

Часы показывали 21:17.

— Папа! — голос Полины прозвучал так отчётливо, будто она крикнула прямо над ухом.
— Папа, просыпайся!

Геннадий вздрогнул и оглянулся. Успел уже вздремнуть, что ли? Но Полины нигде не было. «Уже от волнения галлюцинации начались, наверное», — подумал он, потирая виски. Она же на учёбе... Хотя постойте, летом какая учёба? Но когда Лена попала в больницу, была зима. Было очень холодно. Азим в тот день изо всех сил пытался его отвлечь. Уступал своё место на скамье, шутил, мол, садись, я его для тебя согрел...

Гена посмотрел по сторонам. Этот больничный коридор он точно помнил. Но здесь, в районной больнице, когда-то лежал его дедушка, и они ходили его навещать в далёком детстве. А Лена... Лена ведь лежала в Центральной городской больнице города Маргилана, в реанимационном отделении, где незадолго до этого провели капитальный ремонт. Там стены были свежеекрашенными, и вдоль них стояли трёхместные скамьи с мягкими дерматиновыми сиденьями.

В воспоминаниях с каждым мгновением проступало всё больше деталей, на ходу перекраивая и меняя окружающий мир. Необъяснимым образом Геннадий вдруг увидел себя со стороны. Коридор окончательно трансформировался. Сидевший рядом Азим, друг детства, говорил по-русски — вроде бы чисто, без акцента, но временами окончания путались без какой-либо закономерности. Он преданно заглядывал в глаза, пытался подбодрить и подарить надежду.

Раньше они неоднократно общались на тему веры в Бога. Геннадий никогда ничего не отрицал, но считал, что человеку достаточно просто быть честным. Бог — Он там, на небе, высоко, а человек — здесь, на земле. И какое Богу дело до него, простого инженера? Всевышний с праведниками. Ну, или хотя бы с такими, как Азим, кто молится пять раз в день и искренне верит, что грехи будут прощены.

Вот и теперь Азим заговорил о том же: — Пока сердце бьётся, есть надежда. Нужно уповать на Аллаха. Люди только и могут, что создавать причины, а результат даёт Аллах. Врачи делают то, что могут. Мы с тобой тоже сделали почти всё, что в наших силах, — он крепко сжал запястье Геннадия и с эмоциональным напором прошептал: — Аллах в Коране говорит: «Скажи Моим рабам, которые излишествовали во вред самим себе: "Не отчаивайтесь в мило-

сти Аллаха. Воистину, Аллах прощает грехи полностью, ибо Он — Прощающий, Милосердный"».

Гена помнил этот аят. В прошлый раз, когда приятель настойчиво звал его с собой на пятничный намаз, он подробно пересказывал его смысл.

— Милосердный... — Геннадий проговорил это про себя, словно пробуя слово на вкус. — Милосердный?

Внутри него закипела глухая, горькая обида. «Доктора говорят, что внутреннее кровотечение слишком сильное. Очень много крови потеряла. Всю ночь и почти всё утро кровотечение не останавливалось. По чуть-чуть, но в кишечнике кровь накапливалась. Теперь она в коже. Гемоглобин упал ниже той отметки, после которой летальный исход почти гарантирован. Она еле держится за жизнь. Цепляется из последних сил. Где тут милосердие? Разве это милосердие, когда добрейшей души человек годами страдает из-за диабета? Отказывается от любых радостей жизни, сидит на вечной диете, а потом по больницам сражается за каждый вздох? Где тут милосердие? То, что Бог есть, я уверен. Но то, что Он добрый и милосердный... Это уже под вопросом. Как Он может быть милосердным, если невинные люди, которые должны были жить счастливо, бессмысленно умирают?

Вот утром привезли парнишку, двадцать семь лет ему всего было. Внезапно подскочило давление — и в результате инсульт. Умер через пару часов после того, как доставили. Остался маленький ребёнок без отца. Какое тут милосердие? На нашей улице всего четыре двора, где живут русские. Остальные все — узбеки. Дружим со всеми, делим и радость, и горе. Будь то свадьба, будь то похороны — Лена всегда бежит первая, помогает. На мусульманские праздники огромный казан плова заводит, по соседям разносит. Ни разу ни с кем не поругалась. Детей обожает — что своих, что чужих. Разве Бог, если Он милосердный, стал бы вот так поступать с таким человеком? Ну что она такого сделала, чтобы всё это заслужить? Бог жесток».

Вокруг снова началось движение. В коридор на каталке завезли нового пациента. Сын доставленного старика — молодой, холёный мужчина — буйствовал, пытаясь ворваться вслед за врачами прямо в отделение интенсивной терапии. «Своими криками кому он там помочь сможет? Эмоции и ничего больше», — устало подумал Геннадий.

Сам он не произнёс ни слова. Весь этот яростный монолог звучал исключительно у него в голове. Словно он уединился со Всевышним в глухом углу и теперь напрямую выговаривал Ему свои самые страшные претензии.

«Ты жесток. И Тебе обязательно нужна плата. Кто молится — с теми Ты в хороших отношениях. Я не молюсь. Лена не молится. Вот Ты и вынуждаешь нас, ломаешь через колено. Зачем Тебе такое подчинение? Давай я уйду вместо неё? Давай, обменяй. Один год жизни дай ей. Сколько это будет стоить? Один год моей жизни? Давай пять лет моей за один год её жизни отдам! Что скажешь? Тебе какая разница, чью душу забрать? Тебе нужна жизнь — так вот моя жизнь, бери! Зачем мне столько? Возьми, сколько надо. Обязательно её жизнь отнимать?» — с каждым мысленным вопросом Геннадию всё сильнее хотелось запрокинуть голову и закричать в безразличное потолочное перекрытие, за которым скрывалось небо. — «Ты скажи! Какая плата нужна?!»

Словно вторя его беззвучному крику, буйный парень с силой застучал кулаком в закрытую для посетителей дверь реанимации: — Вы скажите, что нужно?! Деньги есть! Может, оборудование какое-нибудь дефицитное купить? Вы вообще знаете, кто мой брат? Мы всё доставим! Врачи какие-нибудь столичные, может, нужны? Если не можете сами — скажите! — он яростно тряс дорогой кожаной барсеткой, демонстрируя тугие пачки купюр. — Деньги — вообще не проблема! Вы просто скажите, сколько и что нужно!

«Тут тишина нужна. Больным и так тяжело, — подумал Геннадий, сокрушённо покачав головой. — Если такой крутой и богатый, надо было отца в хорошую частную клинику везти ещё до того, как он слёг».

— Жалко его, — негромко отозвался Азим, провожая парня грустным взглядом. — С таким характером и взглядом на мир он не переживет, если, не дай Аллах, с отцом что-то случится. В его голове он владеет миром, раз карманы набиты. А на деле... на деле он сейчас даже облегчить отцу боль не может.

— А что ты так тихо говоришь? — зло бросил Геннадий, внезапно срывая раздражение на друге. — Почему не подойдешь и не скажешь ему всё это в лицо?!

И тут же горько пожалел, что нагрубил единственному, кто остался рядом. — Извини... Нервы. Ни к чёрту всё.

— Да понимаю, брат, всё понимаю, — тихо вздохнул Азим, ничуть не обидевшись. — Он сейчас всё равно ничего не поймет. Мечется в панике, как утопающий за соломинку хватается. Дай Аллах здоровья его отцу. Если парень не дурак, это состояние в будущем поможет ему понять свои ошибки. А пока нужно просто присматривать за ним, чтобы глупостей не наделал.

Подумав немного, Азим поднялся со скамьи и направился в сторону парня. Судя по жестам и по тому, как тот мгновенно притих и отрезвел, приятель спокойно перечислял ему список вещей и медикаментов, которые врачи обычно просят принести. Отправил его в аптеку заранее, чтобы выиграть время. Это было правильно. Отвлечь парня делом сейчас было полезно.

«А мне... мне как отвлечься? — оставшись один, Геннадий снова глубоко погрузился в собственную тьму. — Таких денег, как у него, у меня нет. Да и помогут ли тут деньги? Моей жизни Тебе мало? Что ещё Тебе нужно? У меня нет богатств, чтобы от них отказаться. Здоровье? Ногу или руку отдать — забирай! Жизнь мою не хочешь, но неужели изувеченного тела будет достаточно? Тебе по кайфу людей мучить? Наслаждаешься, когда люди корчатся от боли и ползают на коленях, взывая к Тебе? Ты настолько жесток? Сам ведь говоришь, что Ты милосердный... Я грешил много, знаю. Ждешь, чтобы я каялся? Я — каюсь! Молиться начать? Начну, клянусь, прямо с сегодняшнего дня! Ты только дай какой-нибудь знак... Что мне сделать, чтобы Ты помог ей выжить?»

Сидеть на месте стало совершенно невыносимо. Тупая обида окончательно переросла в яростный, клочущий гнев. Хотелось кричать во весь голос, ругаться, крушить мебель, разнести этот стерильный коридор в щепки. Но здесь нельзя было даже громко разговаривать.

Геннадий поднялся и быстрыми шагами ушёл во двор больницы. Надеялся, что на открытом воздухе станет легче. Но даже здесь, среди голых зимних деревьев, где не было ни души, он не мог издать ни звука. Смертельно боялся, что если из горла вырвется хотя бы слабый стон, он мгновенно перерастет в безумный, звериный вой.

Отчаяние затопило его с головой. Подняв лицо к небу, он судорожно искал глазами хоть какой-нибудь просвет среди тяжёлых, серых, готовых разразиться ливнем туч. Ждал хотя бы один тонкий лучик солнца — как знак того, что надежда ещё есть. Но небо оставалось глухим, плотно заколоченным свинцовыми облаками. Эта последняя капля довела его гнев до точки кипения.

«Кричать не могу. Топать ногами от злости не могу. Купить её жизнь не могу. Продать себя не могу. Вообще ничего не могу сделать! Не могу ничего дать взамен, и силой забрать тоже здоровья нет... Ну нету у меня ничего!» — строгое воспитание и мужская гордость не позволяли ему биться в истерике, как бы сильно ни хотелось дышать огнем и сжечь этот чёртов мир. Он не мог даже зарычать.

Геннадий просто смотрел в нависающее небо широко открытыми глазами и кричал внутри себя, срывая мысленные связи: «Что мне сделать?! Нет у меня ничего в обмен! Всё, что есть, и так Твоё! Её жизнь, моя жизнь... Всё, чем я владею, и так принадлежит Тебе! Ты хозяин всего! Даже моя собственная душа мне не принадлежит. У Тебя вся власть, а я ничтожен, я ничего не могу! Я бы обещал Тебе стать самым праведным человеком на земле... Но ведь Тебе не нужны мои коленопреклонения. Ты же Сам сказал, что Ты милосердный...»

Последняя мысль отозвалась в груди такой материальной, невыносимой болью, что он против воли всхлипнул.

— Помоги... — дрожащими губами, едва слышно прошептал он.

Плотина внутри была прорвана. Геннадий больше не мог сдерживаться — он судорожно всхлипывал, урывками, с хрипом вдыхал морозный воздух, тихо, по-собачьи скулил и никак не мог остановиться.

— Помоги... Ты же можешь. Нет ничего невозможного для Тебя. Помоги... Своим величием, своей мощью — помоги. Я ничтожен. Я ничего не могу. Умоляю Тебя... Помоги. Помоги...

Прошла минута, а может, целый час. Он так и стоял среди обледенелых деревьев, запрокинув голову к облакам, и без конца повторял одно и то же слово. Глаза его были широко открыты, а ворот фланелевой рубахи потемнел от катившихся ручьями слез. Вышедший на крыльцо Азим дёрнулся было в его сторону, чтобы хоть как-то утешить, обнять, но так и не решился нарушить этот момент. Так они и стояли: Геннадий в глубине больничного двора, уткнувшись лицом в небо и скуля в безвыходной тоске — то ли молясь, то ли заживо оплакивая жену, и Азим, прислонившийся к холодному углу кирпичного здания, абсолютно не знающий, что делать. Друг разрывался от страданий, но помочь ему было не в человеческих силах.

Вдруг рама на первом этаже с грохотом распахнулась.

— Волкова! Кто с Волковой пришел?! — громко, на весь двор позвала медсестра, судорожно ища глазами кого-то среди редких прохожих. — Есть кто из семьи?!

Геннадий замер. В один миг пропали все звуки, исчезли слезы. Сердце пропустило удар. «Вот и всё, — обожгла мысль. — Конец. Стоит сейчас повернуться, встретиться с ней взглядом — и она скажет, что Лены больше нет. Нельзя двигаться. Нельзя смотреть. Нет... Я не смогу это услышать. Пока я не подошел, пока не встретился с ней глазами — они ничего не скажут. Она будет жива».

— Мы тут! — Азим громко нарушил мёртвую тишину, замахав рукой и привлекая внимание медсестры. — Мы здесь! Что случилось?!

— Она открыла глаза! Срочно поднимайтесь сюда!

Дикое, разрывающее грудную клетку напряжение, которое только что душило Геннадия, исчезло в долю секунды. Словно кто-то убрал с шеи железные пальцы, мешавшие дышать. Острый, резкий поток зимнего воздуха до предела наполнил лёгкие. Геннадий рванулся к крыльцу, попытался бежать, но ослабевшие ноги подкашивались, земля уходила в сторону, и он едва удерживал равновесие. Вовремя подоспевший Азим подхватил его под руку. Они вместе побежали вверх по бетонным ступеням, тяжело дыша и буквально держась друг за друга.

— Представляешь?.. Она открыла глаза! — Геннадий повторял это другу уже, наверное, в десятый раз, глупо и счастливо улыбаясь. — Она очнулась!

— Да, да, вижу! Только не лети ты так, — Азим тоже улыбался во весь рот, на ходу пытаясь удержать друга от падения. — Сейчас оба тут навернёмся!

— Она открыла глаза... Она глаза открыла!

Вышедший навстречу реаниматолог тоже выглядел облегчённо, но разделять их бурную эйфорию раньше времени не спешил. На ходу поправляя очки, он коротко описал ситуацию как стабильно тяжёлую: — Пока пациентка была в коме, её системы поддерживали аппараты и медикаменты. Сейчас она пришла в себя, сознание включилось, нагрузка на организм возросла в разы. Теперь сердце должно само обеспечивать все органы кислородом, но в текущем состоянии, при такой потере крови, оно просто не справится. Гемоглобин критический. Нам как можно скорее нужна кровь для переливания. Незамедлительно. Оформляйте документы, я объяснил санитарам, к кому подойти, нужно срочно ехать в областной банк крови.

Отделение переливания крови при больнице находилось прямо за главным корпусом реанимации — в небольшом приземистом одноэтажном здании.

Геннадий влетел туда, тяжело, с хрипом дыша, и с силой прижал измятый реанимационный бланк к стеклу окошка выдачи.

За стеклом лаборантка — худая женщина с усталыми глазами в накрахмаленной белой шапочке — мазнула взглядом по строчке «Волкова, реанимация». Ее лицо мгновенно посуровело. Она резко развернулась, распахнула тяжёлую, заиндевевшую дверцу медицинского холодильника и загремела пластиковыми ящиками. Раз, другой. Из недр холодильника донеслось ее глухое, злое чертыхание.

Она вернулась к окошку и покачала головой: — Мужчина, у меня свободной эр-массы вашей группы в остатке чистый ноль. Вообще нет. Последний свободный флакон в операционную на первом этаже полчаса назад отдали.

У Геннадия внутри всё завязалось в тугую, ледяную узел. Силы начали стремительно покидать его, пальцы беспомощно скользнули вниз по стеклу. — Как нет?.. Доктор сказал, она очнулась... Если прямо сейчас не залить — сердце встанет. Мозг без кислорода сгорит, понимаете вы?!

— Да понимаю я всё! — лаборантка сама чуть не сорвалась на взволнованный крик, и ее пальцы, перебиравшие бланки на столе, задрожали. Она вдруг замерла, уставившись на один из журналов, и прикусила губу. Тяжело вздохнула, посмотрела на Геннадия сквозь стекло — прямо в его обезумевшие от горя глаза — и заговорила быстро, полупшепотом, словно совершала преступление: — Ладно... Слушайте меня сюда. Есть у меня два пакета эритроцитарной массы второй положительной. На балансе числятся. Но они именные, целевые — отложены под резерв для дедушки из первой хирургии. У него завтра в девять утра сложная плановая операция, без этой крови его на стол не возьмут.

Геннадий подался вперед, едва не ломая деревянную рамку окошка: — Умоляю... Отдайте их Лене. Ей сейчас нужнее, она умирает! Я всё сделаю, всё оплачу! — он лихорадочно начал рыться по карманам куртки, вытаскивая всё подряд и шлепая на подоконник. — С собой есть миллион сумов только. Я позже еще привезу! Сколько нужно привезу, всё отдам!

— Деньги не нужны, — отрезала женщина, быстро заполняя чистый бланк и шлепая на него синюю печать. — Вы не понимаете? Если я их сейчас перевешу на вашу Волкову по витальным показаниям, то завтра дед в хирургии останется с голым задом. Его операцию отменят, а он ее полгода ждал, может не дожить! Я иду на должностное нарушение под свою ответственность. Я отдаю вам эти два пакета прямо сейчас в реанимацию. Но с одним условием.

Она строго ткнула пальцем в бланк, глядя на Геннадия: — До завтрашнего утра, до восьми часов, этот долг перед банком должен быть закрыт. Кровь нужно вернуть в холодильник. Сами сдавать будете? Вес нормальный? Хронических заболеваний, гепатита нет?

— Нет, ничего нет, я здоровый, я всё сдам! — судорожно, часто закивал Геннадий, протягивая дрожащую руку за спасительным листком.

— Вашей одной дозы мало, дедушке два пакета расписано! Пока плазму вам грею и кровь оформляю — звоните всем, кого знаете. Ищите доноров. Срочно!

— Блин, блин, блин... — Геннадий заметался у окошка, хватаясь за голову. — А у вас нет знакомых доноров? Платников каких-нибудь? Я всё оплачу, честное слово!

— Есть у нас доноры, — уже чуть мягче сказала она, заметив его дикую панику, и принялась перелистывать засаленную записную книжку. — Могу дать номера, договоритесь сами. Но помните: кровь должна быть в этом холодильнике строго до восьми часов утра.

— Милая моя, хорошая, пожалуйста! Я сейчас эту кровь в реанимацию отнесу и сразу вернусь. Мы с вами вместе сядем, позвоним и обо всем поговорим. Время же идет, пожалуйста!

— Кровь я вам в руки всё равно не отдам, не положено, — лаборантка качнула головой в сторону двери. — Медсестру из реанимации я уже вызвала, она по внутреннему переходу сама всё заберет и отнесет. Вы главное с донорами решите. Машина у вас есть? Или такси вызывать будете, чтобы их привезти?

— Машина есть! Друг отвезет — и вас, и доноров, куда надо! И на завтра на утро тоже сразу доноров найду, — он снова засуетился, пытаясь всунуть в окошко почти скомканную стопку крупных купюр. — Вы пока это возьмите, пожалуйста, а я домой съезжу, еще привезу, сколько скажете...

— Так, мужчина, уберите деньги! — строго оборвала она его. — Донорам заплатите, по восемьдесят тысяч сумов каждому. Это стандартная городская цена за дозу, большего не нужно.

«Лена тогда выжила. Она не умерла. Если так... то что тогда это было? — сознание Геннадия забилось в ловушке. — Почему я снова здесь? Почему я сижу в больнице у дедушки? Почему я только что думал, что Лена умирает? И откуда... откуда этот голос Поли? Полина же сейчас в комплексе... У нее там кризис, авария... Стоп. Это сон. Я сплю!»

Стоило этой мысли оформиться в четкое понимание, как весь окружающий мир вокруг него начал стремительно тускнеть. Стены больничного коридора теряли цвет, осыпаясь блеклым пеплом. Все звуки разом выключились. Пространство стало грязно-серым, а дальние объекты — скамейки, двери реанимации, фигура Азима — начали стремительно растворяться в пустоте, будто их стирали влажной губкой.

Мир окончательно схлопнулся. Земля ушла из-под ног. Геннадий потерял всякую опору и на огромной скорости полетел вниз, в бесконечную, глухую бездну собственного подсознания.

Глава 3 — Основание

Он летел.

Не падал — именно летел, горизонтально, сквозь какую-то глухую, абсолютную черноту, плотную и вязкую, как вода без воды. Кожу покалывало от набегающего потока, но не было ни ветра, ни звука, ни верха, ни низа. Только безумная, свистящая в ушах скорость и инстинктивное, животное ощущение, что нужно немедленно за что-то схватиться — иначе этот полет в никуда никогда не кончится.

Хоть за ветку. За что угодно. Только бы зацепиться.

Пальцы судорогой сомкнулись на чём-то твёрдом, шершавом, покрытом наплывами сухой коры.

Он повис. Смертельная скорость оборвалась так резко, что плечевые суставы отозвались глухой болью.

Открыл глаза.

Ветка была настоящей — толстая, в два обхвата, густо обросшая сизым серо-зелёным лишайником, скользкая и влажная от недавнего дождя. Геннадий висел на ней обеими руками, качаясь над крутым, почти отвесным склоном, который сплошным ковром зарос раскидистыми папоротниками. Где-то далеко внизу, пробивая зелень, тускло блестела извилистая полоска горного ручья.

Гена с хрипом подтянулся, оцарапав грудь об кору, перекинул ногу через сук и тяжело спрыгнул на сырой склон. Земля спружинила под ногами. Огляделся.

Лес. Настоящий, вековой, дремучий — вокруг вздымались замшелые дубы в три обхвата, папоротники доходили до самого пояса, а над головой серой стеной нависала слоистая скала. Воздух здесь был сырой, неподвижный и тяжёлый — густо пахло прелой листвой, размокшей жирной землёй и горьковатой сосновой смолой. Птиц не было слышно. Лишь мерно шумел внизу ручей да высоко в кронах лениво ворочался ветер.

Одежда на нём оказалась чужой — грубо сшитая кожаная безрукавка, куски плохо выделанного, колючего меха, пахнущие сыростью. На поясе из витого ремня покачивался костяной нож с широкой гранёной рукоятью, плотно обмотанной пожелтевшими сухими сухожилиями.

— Это сон. Но чей это сон? — Геннадий трогал пальцами липкую хвою, изучая окружение.

Попробовал снять кулон — нащупал его на шее, потянул, но ничего не произошло. Нужно найти человека, того, вокруг кого строится этот мир. Полина объясняла: каждая вселенная принадлежит конкретному игроку.

Сначала — люди. Понять, где он и какой уровень технологий. Если динозавры или фэнтези-мир, будет много хуже отыскать нужного человека. Хотя даже в современном мире нелегко найти человека, не зная о нём ничего. В любом случае нужны люди.

Он аккуратно, придерживаясь за стебли папоротника, спустился к ручью. Присел на корточки у кромки воды, зачерпнул её пригоршней. Вода была ледяной, прозрачной, с лёгким привкусом кремния. Выпил. Огляделся кругом, как привык смотреть на схемы: что есть, чего нет, что непонятно. Попробовал мысленно создать железный нож — ничего не вышло. Представил хлеб, свежую теплую буханку. Ноль эффекта. Получается, он изменять или влиять на мир не может. Или просто не знает, как можно повлиять.

Нужна база. Нужно время. Судя по естественным позывам, ему нужна еда и другие удобства. Прежде чем искать носителя кулона среди чужих людей — нужно выжить в этом мире.

Он повернулся спиной к скале и пошёл вдоль ручья вниз по склону, ступая по влажной гальке.

Дым он увидел раньше, чем почуял. Тонкая, едва заметная серая нить лениво поднималась над лохматыми кронами деревьев примерно в километре к западу. Он шёл на неё осторожно, стараясь наступать на мох, то и дело останавливаясь и прислушиваясь. Лес вокруг не был декорацией — он был живым: что-то мелко шуршало в сухом подлеске, где-то далеко мерно и глухо стукнул дятел, с ветки посыпалась хвоя.

Вскоре деревья расступились. Гена вышел на край поляны и тут же бесшумно залёг в сырую траву за толстым поваленным стволом дуба.

На поляне, обложенный серыми валунами, горел костёр. Вокруг него сидело человек десять — приземистые, широкоплечие мужчины, почти без одежды, если не считать грязных кожаных накидок и что-то похожее на юбки и шкуры. Их тёмные тела были грубо раскрашены разводами багровой охры. Оружие лежало рядом — тяжёлые деревянные копьё с примотанными на концах каменными наконечниками, сколотые костяные ножи. У одного, сидевшего ближе к огню, в руках был лук — простой без каких-либо блоков и усиления. Никакого металла. Никакой керамики.

На краю поляны был крепко привязан человек. Живой — его голова бессильно висела на груди, но ребра под грязной кожей мерно поднимались. На лице и плечах виднелись багровые следы побоев.

Гена смотрел на них несколько минут сквозь листву.

Подходить нельзя. Их десять, а он один. Помочь пленнику сейчас — значит самому оказаться рядом с ним. Он не герой. У него здесь другие дела, и в его планы не входило влезать в разборки своего рода NPC.

Он бесшумно, стараясь не хрустнуть ни одной веточкой, отполз назад в чащу леса.

«Итак: каменные наконечники, костяные ножи, простой лук. Никакого металла, никакой керамики — каменный век. По дороге, правда, попадался малахит и зелёные медные проявления на известняке. Значит, медь есть. Это уже кое-что. Подходить всё равно нельзя — один против десяти, оружия нет, драться не умеет. Может стать вторым блюдом с такими данными».

Искать игрока в одиночку среди враждебных племён — плохая идея.

Он повернулся и пошёл обратно вдоль ручья — теперь в другую сторону, выше по склону, карабкаясь по скользким камням.

Пещеру он нашёл ближе к вечеру, когда тени от деревьев почти создали непроницаемый мрак. Чудом наткнулся.

Небольшая, сухая, со сравнительно узким входом, который при желании можно легко перекрыть валунами или завалом. Потолок в самом высоком месте уходил вверх примерно

на два метра — можно было стоять почти в полный рост. Пол был ровным, каменным, без сырости и луж. Снаружи над входом козырьком нависала монолитная скала, надёжно закрывая зев пещеры от косога дождя. Лучше укрытия не найти.

Он несколько раз сходил к ручью, набрал охапки сухого жёлтого мха для подстилки, при- тащил ворох пахучего елового лапника. Разжѐг огонь — серый кремьнй нашѐлся в русле ручья, а трут он соорудил из сухого гриба-трутовика, соскобленного с упавшего ствола. Первые два- дцать попыток ушли впустую, камни лишь сыпали летучими искрами в темноту. На двадцать первой трут наконец затлел, пустив тонкую струйку едкого дыма. Геннадий раздул его, подклю- жил сухих веток. Занялось.

Он сидел у огня, глядя на пляшущие по каменным стенам блики, и думал.

«Медь. Если расплавить — можно получить металл. Нужна печь с принудительной тягой, температура плавления меди около тысячи ста градусов. Мех для раздувания можно было бы сшить из шкуры. Но где её взять? Меха можно согнуть из берѐсты — берѐз кругом полно. Но нужна хотя бы какая-нибудь пила... Из кремния делали. Бедные руки. Как-то один антрополог рассказывал, что разбили все пальцы, пока пытались повторить древние технологии. Ещё глина для тигля и стенок печи нужна будет. Это уже проще — в русле ручья можно набрать сколько угодно».

Он не был металлургом. Но ему всегда была интересна эта тема. В прошлой жизни он часто залипал в интернете и смотрел видео с мастер-классами кузнецов. Теоретические знания по базовой металлургии у него были, и главное — он понимал физические принципы. Как его отец часто повторял: «Человек с высшим образованием отличается от человека без высшего образования тем, что он может разобраться в китайской грамоте, если появятся время и жела- ние». Времени тут был вагон. Он здесь заперт. Выйти сможет только тогда, когда решит теку- щие задачи. Значит, можно не торопиться и делать всё основательно, так, как надо делать. К тому же он тут находился уже почти сутки, а есть, как ни странно, ещё не хотелось. Значит, в реальности прошло не так много времени.

— Блин! — внезапно воскликнул он вслух, и звук его голоса гулко отразился от сводов пещеры. — Я же тут ходил по-малому... Надеюсь, не получился казус там. Дай Аллах, спасѐт от позора.

Утром, едва серый свет пробил утренний туман на входе, он начал работу.

Первая печь, сложенная из сырых кусков прибрежной глины, с треском развалилась через два часа — материал не был обожжен достаточно и просто лопнул от жара. Вторая печь дер- жала форму, но тяги внутри не хватало, угли быстро затухали, покрываясь серым пеплом. Он потратил три дня на то, чтобы методом проб и ошибок понять правильную геометрию: прорыл наклонный канал для подачи воздуха у самого основания, сделал сильное сужение в верхней части купола для концентрации жара. Купол сразу примыкал к потолку, глухо закрывая верх- нюю часть печи. Сбоку из армированной стеблями травы глины провѐл по потолку канал до выхода из пещеры. Снаружи выход дымохода замаскировал лишайником, чтобы дым рассеи- вался вдоль скалы, не образуя заметного столба. На четвѐртый день, когда он качал берестяные меха, грубо скреплѐнные жилами, из сопла на дно тигля наконец потекла густая, светящаяся оранжевым медь.

Немного — всего несколько тяжѐлых, пахнущих окалиной горстей. Но потекла.

Пока печь медленно остывала, распространяя по пещере сухой жар, он расставил прими- тивные ловушки вдоль звериных троп у ручья. Скрутил петли из гибких полосок ивовой коры, насторожил тяжелые палки над протоптанными в папоротнике лазами. Три дня — ничего, силки стояли нетронутыми. Потом он нашѐл в одной петле лишь оборванный клочок серой шерсти.

После нескольких дней неудач в охоте он услышал отчётливый треск в подлеске и тяжѐ- лый шорох. Геннадий осторожно раздвинул ветки кустов и нашѐл оленя. Молодой самец, с

застрявшей в правом боку сломанной деревянной стрелой. Он явно уходил от погони, обессиленный от кровопотери и теперь стоял тяжело дыша. Животное повернуло голову и посмотрело на Геннадия огромными, тёмными, влажными глазами.

Олень уже был слишком ослаблен. На последнем издыхании. Геннадий никогда в жизни сам не забивал крупных животных. Но на свадьбах у соседей не раз видел, как это делалось. Веревки под рукой не было. Да и нужды в ней, наверное, тоже уже не было — животное даже не пыталось бежать.

— Во имя Аллаха, Аллах велик, — прошептал он и одним резким, сильным движением провел ножом по горлу оленя. Хлынула тёмная кровь, окрасив папоротники. Олень тяжело повалился на бок.

Снятая шкура стала для него новой проблемой.

Он знал из книг, что кожу как-то выделывают, дубят — но знания этим и ограничивались. Мозг выдавал лишь обрывки когда-то прочитанного: кора дуба, моча, известь. Он решил попробовать обычную древесную золу из костра. Развёл её в воде до состояния густой серой жижи, замочил тяжелую, сочащуюся сукровицей шкуру в выдолбленном каменном корыте. Зола дает щёлочь, а щёлочь размягчает ткани. Через двое суток шкура действительно потеряла жёсткость и начала легко отдавать шерсть — та сходила целыми клоچьями, обнажая бледную мездру.

Потом он вспомнил про известь. Насобирали вдоль ручья старых ракушек — здесь когда-то было древнее русло, значит, миллионы лет назад тут шумело море или озеро. Прокалил раковины в самом центре костра, пока они не превратились в хрупкий белый порошок. Смешал его с водой, снова замочил очищенную кожу. Результат оказался гораздо лучше, ушел гнилостный запах.

Он долго, до ломоты в пальцах тёр куском дерева натянутую кожу, пока шкура не стала пластичной, мягкой и сухой.

Медь накапливалась мучительно медленно. Он плавил зеленую руду небольшими партиями — каждый раз получая по чуть-чуть, бережно сливал расплав в открытые формы, вылепленные из шамотной глины. Первым делом он отлил себе нож — плоский, широкий, с удобным желобком для крепления деревянной рукояти. Потом — тяжелый граненый наконечник для копья. Насадил его на прочный дубовый шест. После этого начал думать про броню.

Оптимальным вариантом казалась ламеллярная — прямоугольные пластины, соединённые между собой кожаными шнурком и перекрывающие друг друга, как чешуя. Каждую такую пластинку нужно было отлить, пробить в ней отверстия, пока металл ещё оставался полужидким и мягким, а потом закалить. Геннадий долго не понимал, почему нагретые и резко охлаждённые пластины всё равно оставались мягкими. Потом дошло: чистая медь от закалки не твердеет — только мягчает. Твёрдость давал наклёп: проковывать холодными, молотком. Долго и муторно — но пластины, прошедшие через наклёп, держали форму куда лучше.

Дни стали почти монотонными. Либо занимался охотой — уже стало получаться намного лучше. Получил несколько шкур волков, ещё одного оленя и даже одного зубра. Волки попали в ловушку, когда пришли на запах останков зубра в яме, оленя подстрелил и долго шёл за ним, пока тот не свалился без сил, а зубра напугал — бедное животное сломало ногу, нагнувшись в небольшой овраг. Заколот копьём. Либо занимался изготовлением древесного угля и выплавкой меди. День за днём. Одно и то же.

Но пока руки были заняты делом — мысли были заняты поминанием Аллаха. Это не давало ему забыть во сне, удерживало рассудок. Пока он помнит, что находится внутри симуляции, он помнит Полину. Помнит, зачем он здесь.

Для дополнительного якоря он нацарапал на стене пещеры куском древесного угля собственного производства крупные буквы: «Это сон. Найди игрока. Полина». Рядом нарисовал контур, похожий на кулон.

Деревню он нашёл случайно — точнее, деревня нашла его сама.

Геннадий возвращался с ручья, таща на плечах тяжёлый кожаный мешок с очередной партией медной руды, когда сквозь гул воды услышал далёкие крики. Это был не один голос — кричало много людей, доносился яростный рёв со стороны широкой долины. А вскоре ветер принес и запах дыма — это был не чистый дым его пещерного костра, а тяжелая, едкая гарь, пахнувшая горящим сырым деревом и соломой.

Он сбросил мешок с рудой прямо в папоротники и быстро пошёл на звук, пригибаясь к земле.

Деревня была небольшой — десятка два круглых хижин, сооружённых из жердей и обтянутых потемневшими шкурами. Нападавших было больше, человек тридцать — воины чужого племени, лица и грудь которых были устрашающе раскрашены белой глиной. Вооружённые тяжёлыми суковатыми дубинами и копьями, они с ревом рвались внутрь поселения. Деревенские отбивались чем попало — камнями, палками, визжали напуганные дети, где-то у кострища уже лежали неподвижные тела.

Геннадий смотрел на эту бойню несколько секунд. Потом вспомнил про тяжёлый глиняный горшок со смолой, который нёс с собой — собирался использовать её для обмазки кожи. На ходу он быстро нарвал пучки жухлой травы, распихал их во все доступные складки куртки и самодельную соломенную шляпу. В наступающем полумраке подлеска он стал похож на жуткое, лохматое чудовище из семейства леших.

Он зашёл нападавшим сзади, бесшумно выскочив со стороны густого леса.

Первого воина взял совершенно неожиданно — тот стоял на самом краю поляны и, разинув рот, смотрел на общую схватку, не видя, что происходит за спиной. Геннадий убил его точным ударом ножа под лопатку — быстро и без единого звука. Подхватил его падающее тяжёлое копьё и факел. Поджёг горшок со смолой.

Горящая, валящая чёрным дымом смола полетела в сторону нападавших. Целился не в самих людей, а в сухую землю и кусты между ними. Огонь мгновенно расплескался по жухлой траве, по брошенным тюкам с вещами, перекинулся на сухое дерево изгороди. Одновременно Геннадий поджёг массивный комок мха, густо пропитанного смолой и намотанного на острие копья.

С диким криком он выскочил из-за деревьев прямо в багровые сполохи пожара. Горящее копьё крутилось над его головой, нож хищно блестел в руке. Среди играющих теней вечернего пожара он со своим копьём и лохмотьями был к месту.

Нападавшие в ужасе шарахнулись в стороны. Чудовище в огне показалось им духом смерти.

Геннадий швырнул в гущу толпы ещё один горящий ком мха — и закричал снова, уже не размягчая звуки в слова, а издавая низкий, утробный, долгий рык, шедший из самой груди.

Первобытный страх победил. Нападавшие бросились врассыпную, ломая кусты и бросая оружие.

Он стоял на краю поляны и молча смотрел им вслед, тяжело дыша. Руки слегка дрожали — не от страха, а от бешеного выброса адреналина. Нож в правой руке был покрыт тёмной кровью. За его спиной на поляне постепенно всё затихало, только трещали догорающие ветки изгороди.

Гена повернулся к поселению.

Вся деревня смотрела на него в абсолютном, благоговейном оцепенении. Все, кто еще мог стоять после боя, застыли на местах. Старики, растрепанные женщины, прижавшие к себе детей. Потом кто-то из раненых медленно упал на колени прямо в грязь. Прошел шелест, и через минуту перед ним на коленях стояла уже вся деревня — люди опустили головы, не смея взглянуть на огненного великана.

Гена поморщился от этого зрелища, ему стало не по себе. — Нет, — громко сказал он. Потом запоздало подумал, что они не поймут русский язык.

Он решительно подошёл к ближайшему к нему человеку — худому старику с длинной белой бородой, судя по ожерелью из медвежьих костных когтей, местному вождю. Геннадий крепко взял его за локоть и силой поднял с колен. Похлопал себя ладонью по груди. — Человек. Просто человек.

Старик смотрел на него долго, всматриваясь в черты лица сквозь прилипшую сажу. Потом что-то сказал — медленно, с глубокой вопросительной интонацией.

Геннадий понимал, что тот говорит на своем, совершенно чужом наречии. Но, к своему удивлению, смысл слов он улавливал чётко. Простыми мыслеобразами, без изысков, старик говорил на понятном ему теперь языке.

Вождь указал пальцем на его блестящий медный нож, потом на обгоревший участок поляны, где лежали догорающие останки нескольких нападавших, затем перевел руку на тёмный лес, откуда пришел спаситель. Он спрашивал: «Откуда ты? Что ты такое? Зачем ты здесь? Тебя прислали наши великие предки или ты могучий дух этого леса?»

— Я — человек. Чужак. Но друг. Ты меня понимаешь?

Старик медленно кивнул.

Они накормили его у восстанавливающегося костра — принесли в глиняной плошке какую-то серую, липкую кашу из грубо перемолотого дикого зерна. Было безвкусно и пресно. Но он, преодолевая отвращение, съел всё. От предложенного мяса отказался.

Остаться здесь надолго Геннадий изначально не планировал. Еще слишком много нужно было сделать. С другой стороны, почти месяц одиночества в лесу давал о себе знать. Он ведь целыми днями только и делал, что собирал ресурсы, плавил руду, жег древесный уголь, дубил кожи, а когда темнело — отрабатывал «приёмы»: точные удары ножом, выпады копьём. Кидал в самодельную мишень из куска сухого дерева что-то похожее на медный сюрикен — кривая четырёхконечная звезда из ковanej меди хотя бы уже летала в нужную сторону и даже пару раз воткнулась достаточно глубоко. Но он за всё это время не слышал человеческого голоса. Тяга к простому общению все больше выходила на первый план, давила на психику.

Решил уйти утром. А утром подумал, что уйдёт завтра. Через три дня он уже учил молодых мужчин, как рыть канаву вокруг поселения.

Деревня кормила его. Он защищал и учил.

Так и остался.

Дальше всё пошло быстро — по меркам этого мира.

Сначала поле. Выбрали ровный участок у реки, выкорчевали пни и корни — работа на несколько недель, мозоли у всех, руки в крови. Разбили грядки, посадили то, что нашли: дикая полба, клубни, бобы. Для пробы, небольшими делянками — посмотреть, что приживётся.

Ров он задумал не просто как заграждение. Река рядом — значит можно пустить воду. Копали долго, всей деревней. Когда прорыли последнюю перемычку и вода пошла в канал, он долго смотрел, как она заполняет ров — ровно, спокойно. Ров вышел достаточно широким, чтобы поставить пару водяных колёс. Одно — для орошения полей через систему желобов. Второе — для привода насоса, который гнал воздух в кузнечные меха. Больше не нужно было дуть вручную.

Группу металлургов он собрал из самых любопытных молодых мужчин. Учил искать руду — малахитовые пятна на камнях у ручья, зелёные разводы на известняке. Учил плавить. Учил лить в формы. Поначалу большая часть металла уходила в брак — но постепенно руки начали чувствовать материал. Медные топоры, мотыги, рыболовные крючки, наконечники для стрел. Инструменты меняли всё.

Частокол усилили — вбили сваи глубже, промежутки заложили обожжённым кирпичом, снаружи насыпали земляной вал. Дома перестраивали один за другим — кирпич вместо жердей, черепица вместо шкур.

Рыбу стали солить и вялить. Нашли соляные выходы в трёх часах ходьбы к северу — теперь еда хранилась.

Отдельно он настоял на яме для отходов — подальше от жилья и воды. Навоз, пищевые остатки, всё туда. Объяснил просто: болезни идут от грязи. Его послушали. Яму вырыли.

Потом был поход. Он не планировал — само вышло. Соседнее племя напало на рыбаков из небольшого прибрежного рода. Деревня вышла отрядом, с медным оружием и щитами из нескольких слоёв сыромятной кожи, натянутой на деревянную раму. Бой был коротким. Из трёх соседних рыбацких родов двое пришли сами — принесли рыбу и попросили остаться. Третий разбежался. Детей, стариков и женщин из разбитых стойбищ взяли с собой.

Деревня стала посёлком. Ров, который когда-то окружал первые хижины, превратился во внутренний канал. Вокруг него выросли новые кварталы.

Гена смотрел на всё это и думал о носителе кулона.

Сон строится вокруг конкретного человека. Значит, мир ограничен — за его краями либо горы, которые не перейти, либо река, которую не переплыть, либо просто пустота. Люди сами не ходят туда, где мир заканчивается. Они чувствуют это инстинктивно, даже не понимая почему.

А вот чужаки приходили. Со всех сторон — кроме востока.

Он это уже заметил. Просто ещё не сделал вывод.

Носитель — на востоке. И чем сильнее становится поселение, тем рано или поздно они столкнутся. Либо сам придёт, либо придётся идти к нему.

Гена подбросил ветку в костёр и стал ждать.

Глава 4 — Лукавый

Подсказку дали сами проходящие.

Раз в несколько дней к поселению выходили незнакомые люди — поодиночке или небольшими группами. Кто с подарком, кто просто с голодными глазами. Отправленные вооружённые отряды на разведку по пути следования встречались с другими родами. Мирный обмен и развитое поселение быстро разошлись слухами. Людей не убивали, а предлагали мир. Это было что-то новое. Геннадий наблюдал за новыми людьми и думал.

Это ведь сон. Значит, мир ограничен тем, что носитель мог себе представить. За пределами его подсознательного радиуса не может быть ничего — край карты. Люди приходили с запада, с севера, с юга вдоль реки. Никто не приходил с востока.

Он расспрашивал через старика-вождя. Тот за несколько месяцев совместной жизни сильно приблизился к нему. Вождь, по совместительству шаман, первое время наблюдал за ним, а через несколько дней решился подойти с вопросом — на какой именно камень он молится. Мол, он как шаман понимает, что деревенским тоже нужно его богов ублажить. Ведь они помогли им.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.